ОЛЬГА СМАГИНА

СТРАННАЯ БУКВА

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 50

Редакторы серии: Л.В. Павлова, И.В. Романова, А.А. Азаренков, А.В. Трифонова.

Смагина, О.А.
С 50 Странная буква: Книга стихов / О.А. Смагина. – Смоленск, 2017. – 56 с.

ISBN

«Персональная серия» – это ряд авторских поэтических сборников участников литературной студии «Персона», основанной при Смоленском государственном университете в 1992 году.
Серия учреждена в год 25-летия студии, в планах редакции – выпуск новых книг. Настоящее издание адресовано любителям современной поэзии.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© О. Смагина, 2017
© Оформление. «Свиток», 2017

Искатели приключений

Что есть такого
в этом совсем незатейливом фильме,
снятом за восемь лет до моего рожденья?
Просто рассказ
о великой печали и тайне
человеческих отношений.
Настоящие чувства всегда отдают горечью.
Я спрашиваю:
почему молодому красавцу
выпадает лишь участь друга
и торжествует зрелое обаяние другого?
И не нахожу ответа.
Вот я вижу,
как бережно они надевают
тяжелый скафандр на хрупкое тело,
как отпускают его в темную бездну
под неутешный плач, который внутри,
ибо их лица спокойны.
Еще кадр: красавец Маню
стоит вполоборота,
половина лица скрыта тенью.
Да, это темная сторона его жизни,
симметрично душе,
у которой отрезали половину.
Летиция, почему мои глаза
больше не видят тебя?
Что осталось?

Воспоминание о рыжих волосах,
странное платье из кусочков металла,
огромные серьги...

Молодой Делон,
зрелый Лúно Вентýра
и неизвестная мне актриса.
Он, он и она – их трое,
искателей приключений...

* * *

О, мой итальянец,
не понимавший, как это возможно,
чтобы существовала такая странная буква,
как русская «Я» – по-вашему «R» [erre],
только наоборот.
Понимаешь, дружок,
ведь в России, откуда я родом,
правда, с внешностью наполовину испанки,
китаянки наполовину, как ты говорил,
все не так, добро б только буквы.
Вот такая загадка
для бедного итальянца,
настолько далекого
от лингвистических проблем,
далекого от всего,
что связывает меня с этим миром,
кроме любви...

* * *

Я – новый Марко Поло?
Покинуть чудный город,
чтоб жизнь свою пространствами заполнить.
Перервать – нет, даже не усильем воли –
играючи и торопясь – ведь жизнь так коротка –
нить, на другом конце которой все,
чем был так щедро одарен с рожденья.
Хотя, быть может, мне чужие страны, речь чужая
и смутные улыбки чужеземцев дороже,
чем километры собственной души,
нет, я не тот венецианец глупый.

Когда бы я была венецианкой!
Чего желать, к чему стремиться боле?
Проснешься утром и ступай себе любуйся
водами лагуны чрез стрельчатые окна,
пока... на горизонте не забрезжит
бредовая мечта, в заложники которой
некогда твой братец блудный
добровольно отдался –
потомок человека, о котором
твердит нам ныне в назиданье
рассказ святого.

О сладкий плен, о чудное безумство...

* * *

На всех парусах, на всех, что есть,
на алых, черных и белых
я несусь к тебе, моя смерть,
каждый миг, что я здесь,
и владею телом.
До тех пор, пока не скажу тебе: «Добрый день»
или «Буэнос ночес».
А сейчас в голове у меня: «Апрель,
голубым своим и высоким плесни мне в очи».
Он и рад разбрасывать воробьев
по веселым и тонким веткам,
я стою, опрокинув в небо лицо,
и в руках у меня конфетка.
У меня в руках ни одной,
у тебя – все нити.
Ты стоишь надо мной, стоишь надо мной,
словно зимнее солнце в зените.

Фрида

Duerme, mi amor *

I.

Тебе никогда не увидеть,
как плакали на крыльце кинотеатра,
посмотрев фильм о тебе,
как в горе твоем объединились,
прибавив к нему свои страдания и болезни –
так разрослось непомерно,
что выдавило слезы из глаз.
Фрида, где нам взять столько силы,
сколько имела ты?
Где столько тепла и света взять?
Здесь ведь не Мексика.

Тебя сожгли.
Но, Фрида, я надеюсь,
что там ты уже не горишь
ни в каком огне
и струи дождя благодатного
льются на твою беспокойную голову,
омывают открытое сердце страдалицы.
Слез больше нет –

* Спи, любовь моя (исп.)

это дождь, ру́ки не поднимай,
чтобы вытереть.
Нечем – рук больше нет у тебя,
да никогда и не было –
только крылья.

II.

Яркая птичка в красном –
выпорхнула душа.
Легка, смела и прекрасна,
чудо, как хороша.
Душа продолжает стремленье
к свету, солнцу, любви,
а ненавистное тело
горсткой пепла лежит.

Это всего лишь плоть,
но брови твои вразлет,
но черные очи твои
навсегда укрылись в любви.

Брови твои вразлет,
словно пропеллер.
Фрида, ты – маленький самолет.
Царишь над землей безраздельно.
Ты – истребитель тоски, серости,
несвободы,

Твой самолет подбит,
но улетает в зенит
собственного полета.

III.

Фрида сидит с сигаретой,
пишет картину,
из которой мы узнаем,
что Фриды по крайней мере две –
что, безусловно, много
для такой небольшой планеты.
Фриду соединяют со всем, что есть,
артерии, вены,
все пьет кровь из нее
и питает ее своею.
Мир стареет, но молодеет Фрида
не телом – душою – такою большою,
как пирамиды ацтеков.

IV.

Я прошу тебя – помоги.
Мой муж не спал
с моею сестрой,
но я даже не чувствую,
что он у меня есть,

он уходит от меня, странно,
а я даже не почувствовала,
что он у меня есть.
Все было как во сне,
когда надевал мне кольцо,
а теперь наступила жестокая явь.
Фрида, я сижу перед компьютером,
как сидела ты в комнате с ножницами,
но мне нечего резать –
постриглась только вчера.
Поэтому я режу душу,
кромсаю ножницами переживаний.
Моя душа мягкая, легко поддается.

V.

Фрида, если кто-нибудь спросил бы
у меня теперь, что я делаю,
я ответила бы: «Выживаю».
Всем, что умею, всем, что мне нужно:
голодом, сном, покоем, книгами,
тобою.
Мне продержаться несколько дней
на таком накале,
через неделю, ты знаешь, это пройдет.
Придет добрый доктор время,
он уже начал путь.

Он идет со стаканом вина,
отхлебнул, сел передохнуть
на обочину.
Я вижу: ты толкаешь в спину его,
ты хочешь помочь.
Юбки твои индейские развеваются по́ ветру.
Фрида, дашь поносить, когда я умру?

VI.

Ты рисовала себя, Фрида,
это правильно,
потому что ты прекрасна
в любом наряде –
в платье зеленом с красной
шалью, в пестрой широкой кофте,
в белой юбке, заляпанной кровью.
В яркое ты одевала мужество.
Знаешь, один твой вид
вселяет надежду –
можно, можно, будучи увечной,
носить такую одежду,
носить судьбу такую,
обрученную с болью,
рифмовать бесконечно
краски и смерть с любовью.

* * *

По Севилье
с персиком огромным,
пачкаясь соком,
шла я, не зная,
в каком направленьи
податься.
В голове засело:
«¿Donde esta Giralda?»*,
а больше – nothing**.
А в Севилье было красиво:
суббота – день свадеб.
Офигенные мужики
и женщины в мантильях.
Уличное шествие с факелами.
Зря я, больная, усталая,
искала прибежище на ночь.
Все равно не спала –
так Севилья бесилась,
будто в последний раз – насмерть.
Только праздник жизни этот
не для меня был –
чужая, одна, не вписалась.
Чувство, правящее в этом городе, –
страсть, в том числе и к себе,

---

* Где Хиральда? – исп.

** Ничего – англ.

а не жалость.
Утром ранним,
когда семьями с букетами белых цветов
только домой возвращались,
шла я навстречу трудному, чудному знанию:
впереди у меня был целый день в поезде
и вся Испания...

* * *

Я погрузила комнату в родимый хаос,
который я всегда вожу с собою,
куда бы ни приехала.
Быть может, это способ освоенья места.
И в этой некогда пустой,
стерильной комнате
теперь теснятся вещи.
В углу нашлось местечко
для книг – толпа друзей хмельных
разноязычных стоит на полке –
косо, криво, косо.
На строгом флорентийском стуле
еще сильней веселье –
уж эти и стоять не могут –
майки, пиджаки, носки и юбки –
все лежат вповалку.
На комоде вещей веселых караван –
часы, бумажки, ручки, мелочь,
конь этрусский.
Ну вот, теперь похоже на жилище
живого человека.
Но муж мой не согласен.
«Этот человек, – ворчит он, –
мог бы быть поаккуратней».
«Что ты, что ты, – согласно закричали
цветочки в вазах, ангелы на стенах, –
ведь это было бы совсем неинтересно,

порядок скучен».
Быть может, в нелепом, странном
сочетании вещей родится новый смысл,
а мы его ухватим и разгадаем тайну –
почему, о, почему так притягателен
родимый хаос.

* * *

Посвящается испанскому живописцу 17 века –
Хуану Санчесу Котану

О, смелость –
на черном фоне
лишь стебли чертополоха
и три моркови.
Скандал в зеленой рамке.
Цветы, фазаны, посуда?
Нет, все скупо и скудно –
благородная скромность гранда.
Сдержанный гимн
простому и яркому миру,
как яблоки на твоих картинах
подвешенному в пространстве.
Ах, Хуан Санчес
Котан! В восхищеньи:
«Hijo di puta...»*
«Я отрекаюсь от абсолюта
пышности и богатства.
Здравствуй, немое братство
айвы, капусты и дыни», –
мазками простыми
ты говоришь с теми, кто хочет слышать,
кто живет, и рискует, и пишет...

* Сукин сын – исп.

* * *

Как на лоб его падала прядь
легко вообразишь,
как ожесточенно тыкал
палкой в оркестр.
О, Люлли, – человек-артист,
человек-подлец,
человек-ритм.
Заряжай батарейку с вечера,
наглый итальянский скрипач,
а то не хватит на день,
споткнешься, не сделав очередное па.
Станет по углам шушукаться
дворцовая шантрапа.
Бедный Люлли,
только ритм, его нельзя потерять,
как любовь Людовика-короля.
Кто же сжалился над тобой
и направил в твою плюсну
наконечник стальной?
«Господи, наконец отдохну,
отдохну, отдохну...»

* * *

Нотами невозможно выругаться –
*forte, con brio** –
или описать, что ты вытворял
с придворными дамами –
*piano, vivace*** –
поэтому я швыряю книгу
и начинаю играть – *allegro* ***–
после того, как испачкалась
о рассказ современного писателя.
Пальцами нажимаю на белые и черные,
избавляюсь от грязи.
Любимый «Гавот» Люлли –
ре, ля, ля, соль, трель, фа –
наверняка тот еще был повеса, развратник –
соль, ля, соль, трель, фа, ми –
придворный композитор Людовика XIV.
Но музыка чистая. Счастье,
что они оставляли за нотами страсти
и делишки грязные.
Буквы – совсем другое.
Дьявольская разница.
Опасные связи.

---

* Громко, с жаром – ит., музык. термин.

** Тихо, живо – ит., музык. термин.

*** Скоро – ит., музык. термин.

* * *

Александр Сергеевич весело надевает цилиндр,
весело трость берет,
Александр Сергеевич красногуб, белозуб, некрасив,
и не идиот,
а напротив, умнейший в России муж,
чему, безусловно, рад,
прихватив с собою несколько душ,
он оправляется на парад –
лицемерия, сплетен, измен,
и отсюда, сверкая, как бриллиант, выходит в смерть.

Александр Сергеич не брал уроки стрельбы,
на милость судьбы уповал,
никогда никого не убил –
наповал.

* * *

Я выходила на исходный рубеж.
Получив четыре патрона,
докладывала:
«Получены и осмотрены».
А потом еще хлеще:
«Майор Смагина к стрельбе готова».
И потом – о чудо – стреляла!
Попала целых два раза
этими вот руками, привыкшими
к ручке, карандашу, клавиатуре, книге...
То, что за десять секунд ты успеваешь
достать пистолет, и сделать четыре выстрела,
и еще попасть – приятно.
«Поэту на пользу все»*.
Поэту полезно долго и никуда не торопясь
чистить пистолет
в специальной комнате и думать:
«Оборачивать протирку ветошью –
все равно, что делать железную мумию...»

* Формула Самуэля Джонсона.

* * *

О, гений мой, восторженный, младой,
еще не превратившийся в тирана,
как любишь ты слова
прекрасный, дивный, чудный.
Зачем тебе они? Бери страшней и значимей.
Но нет. С немыслимым упорством
твердишь: о, зимний гулкий лес,
о, ветки срез сосновый,
о, белая пустыня за окном.
Потерянного рая ищешь?

Когда утрачу нить и рубежи,
жизнь выплеснется за края,
последнее, что я увижу:
взбесившаяся черная вода
смывает очертанья
трех островов с названьями
Прекрасный, Дивный, Чудный...

* * *

Спят поэты в своих кроватях,
как обычные люди.
Только ангелы к ним слетают
в цветных одеждах
и рассказывают, что завтра будет.
Что было прежде
и что вообще бывает на свете.
Спят поэты,
им стихи ненаписанные снятся,
образы в голове теснятся.
И во сне молятся поэты
особой молитвой
Небесному господину.
Только когда проснутся,
чудесную молитву забывают,
а потом рыщут, аки звери хищные,
по всему свету,
разрывая могилы,
не гнушаясь наветов,
да найти ее так и не могут...

* * *

Примите меня в свой закрытый клуб,
о, примите лентяйку и сплетницу,
жадину, легкомысленную
прожигательницу
всего на свете.
Но ведь такие
тоже пишут стихи,
простите, бывают поэтами?

Стихи об Италии

I.

И сразу, как только вышла из самолета,
почувствовала: я дома.
Запыленные кроны пиний, правда,
не кивали приветливо.
Зато служащие аэропорта
улыбались ласково и устало,
показывая дорогу.
Не нужно, знаю сама – там Италия.
Там, за неряшливым коридором
и безразличным таможенником.
Подожди, сердце, еще полчаса.
Прошу, не выпорхни, – farfalla.

II.

Неожиданно дамский цилиндр
в витрине шляпного магазина,
пиджак из нежнейшей замши,
не купленный мною,
который буду помнить, кажется,
до конца моей жизни,
следы Умберто Эко на мостовых этого
мрачного города,
огромный книжный “Feltrinelli” –
рай для филолога,
неитальянский сандвич
и двадцать граммов
вкуснейшего кофе
в маленькой забегаловке
недалеко от университета,
двадцать минут на плетеном стуле
в огромном соборе,
все это ты – Болонья.

III.

Ах, во Флоренции все лазурью.
Жара, блики солнца,
узкие оконца.
Из них больше не глядят
на улицу флорентийки.
Ни одной не видела прекрасной.
Зато в каждой траттории –
кьянти разное,
молодые итальянцы,
что не ходят по музеям,
дискотеки предпочитая.
Ах, пойти бы и встретить
там невзначай какого-нибудь
тосканского принца,
да ведь, наверно, перевелись все.
Одна радость – в Уффици
по-прежнему Боттичелли,
благороден и молод поныне.
Дует с полотен ветерок легкий,
осушая слезы радости и гордыни.

* * *

Когда я оказалась на Сан-Микеле,
то увидела молодого итальянца,
он сидел на ступенях каменных,
прислоняясь к стене ограды,
с отрешенным лицом.
Я подумала: как хорошо
иметь возможность приходить,
вернее, приплывать сюда,
когда захочешь,
и вспомнила старое польское кладбище
в своем городе,
где похоронен певец итальянской оперы,
которого угораздило приехать в Россию.
Может быть, он был родом из Венеции,
лежал бы себе посреди лагуны,
а так каждую зиму
его могилу снег засыпает.
Как холодно,
и я ручаюсь – бельканто итальянской речи
с тех пор, как его похоронили здесь,
он не слышал ни разу.
И, подумав так,
я прерываю блаженство итальянского
юноши
и спрашиваю, не знает ли он, где могила
Иосифа Бродского?
Он не знает.

* * *

Итак, он умер.
Промозглая нью-йоркская зима
заглядывала в окна
квартиры на бруклинском
холмистом берегу Ист-
Ривер. Ей было видно,
что он лежит ничком,
к ковру прижавшись так,
как будто не ткань потертая под ним,
а выцветшие линии асфальта,
к которым он хотел припасть когда-то.
Впрочем, строки эти
припомнить так и не успел
и улыбнуться грустно напоследок.
Теперь он рад.
Отец в фуражке флотской
уже готов запечатлеть
счастливый миг его прибытья,
и мама с привычной сковородкою в руках
хлопочет. Поздний ужин,
или ранний завтрак, иль обед,
не все ли им теперь равно,
когда вести спокойную беседу
в том месте, где навек соединились
и расставанье больше не грозит.
Одно тревожит чуткие сердца:
когда их сын вдруг замолкает и отводит взгляд,

тогда согласно берутся
отец – за пожелтевшую газету,
а мать – за рукоделье.
И каждый думает смиренно про себя:
«И он привыкнет».

* * *

В утренней дымке холмы, на которые он взбирался.
Так легко представить, что с одного из них,
ладонь приложив козырьком ко лбу,
он на меня смотрит.
Я не знаю, где его могила.
Это значит – для меня он не мертвый.

Хлеб развозит по домам старик.
Женщины выходят, окидывают меня –
скорей безразличным – взглядом.
Я иду по улице, останавливаюсь у церкви.
Просит закурить небрежно одетый мужчина
с глазами бродяги.

Возле дома апельсиновые деревья, что он так любил.
Во дворе предосеннее буйство цветов и лоз
виноградных.
Оборачиваюсь, зачем-то заглядываю в колодец,
а голос смеется: «Ты ищешь не там, моя радость».

* * *

Господь мне послал двух мотыльков –
синих, как небо Его.
Вокруг был воздух, деревьев стволы
И – никого.
Так, в тишине, в трепетаньи их крыл –
слабых вешних ветрил –
что-то прекрасное, важное мне говорил:
«Чадо, внемли же
посланью тайному моему».
«Господи, ближе, ближе ко мне,
слов Твоих не пойму».

«Слушай внимательней, чадо,
слушай глазами, кожей,
языком ощущай ягодный смысл,
не похожий на смыслы сухие
слов обыкновенных.
Колокольчики фиолетовые, мошки, птицы –
благословенны.
Плотней к соснам пахучим
прижимай ладони,
ощущай их живое тепло.
Радуйся – Я с тобою».

* * *

Ире, воспоминанье о поездке в Киев

Солнечная легкая полоса
лежит на иконостасе.
Рыжие, красные, охряные,
теплые, южные фрески
Софии, покой.
Мы говорим с тобой
о мозаиках, Богородице,
что стоит с веретенцем красным,
вбираем вдумчиво, не спеша,
без жадности
глазами все это великолепие,
нет, чудо – простое, естественное, рукотворное:
арки, арки, колонны.
Вот я, подперев рукою
отяжелевшую от впечатлений голову,
вот ты прямо стоишь,
положив руки на парапет,
вот наш разговор витает, невидим.
И кто-то еще
головы наши сдвигает,
разливает, словно елей,
свет и покой повсюду
в тысячелетнем воздухе,
которым так радостно дышится...

Менуэт

Прекрасный день –
я слушаю Генделя,
вот и труба запела,
сердце вторит.
Ах, что случилось,
что за кауза?
Ничего такого.
Просто солнце,
и здесь никого,
друг мой интернетный
временно меня оставил,
что дало мне возможность
насладиться трубой
и барабанами.
Ах, отчего для королевского фейерверка
такая стать?
Не жирно ль было под ЭТО
пялить глаза?
А Гендель стоял в стороне,
поправляя высокий парик,
и отводил глаза.
Ты же знаешь, что нет,
ничего он не отводил,
а наслаждался жизнью
во все глаза.
Зачем же пишешь неправду,
что хочешь этим сказать?

А то, что по мне Гендель – велик,
пусть царедворец и гедонист,
я включаю его в плейлист
жизни моей,
сладкий, длинный плейлист...

* * *

Чечилии Бартоли,
прекрасной итальянке,
очарованной музыкой
Вивальди

Вдохновение че́рпая
из венецейских зеленых вод,
ты плывешь, и кораблик твой
не останавливается у причала.
Невозможно прервать
этот ветер, и рябь,
и души над лагуной полет,
которая только тем и жива,
что никогда в этом городе не молчала.
Ты стоишь на палубе,
улыбаешься солнцу,
лицо поднимая ввысь,
ветер прозрачными пальцами
волосы теребит, любуясь.
Восторг рождается в сердце,
заполняет легкие, и песня
дыханьем срывается с губ,
и скрипка рыжего падре*
ей вторит с небес.

---

* Прозвище Антонио Вивальди – il prete rosso (ит.) – рыжий священник (падре).

* * *

Как хорошо ходить, блаженно улыбаясь,
и наслаждаться всем, что есть у Бога
на этот миг, на этот день творенья.
Часа в четыре пополудни
прекраснейшее это ощущенье
достигло высшей точки
и переполнило меня настолько,
что сделать не смогла ни шагу,
застыла на мгновенье
под небом голубым
в пальтишке красном
среди деревьев, в золото одетых.
И листья в воздухе прервали
свой полет. «Как славно, Боже,
не испытывать ни зависти, ни злобы, ни томленья
по участи иной, лишь умиротворенье», –
думалось мне позже,
когда сидела на скамейке в сквере.
И люди проходили мимо.
И кто-то спросил:
«Стихи, наверно, пишешь? Про любовь?»
Сказала: «Нет».
«Тогда про что? Сама не знаешь?»
Ошиблась я, конечно, про любовь.
Ко всем, всему, что есть на свете...

Диалог о Брейгеле

— Сегодня воздух так прозрачен,
как на картине зимней
фламандца знаменитого.
Чего бы не́ дал я,
чтоб оказаться там, внутри. Представь,
вокруг снега такие же глубокие лежат.
И небо синее.
— Да, этот синий Брейгеля чудесный,
как будто миллиарды мотыльков слетелись
и заслонили крылышками свет.
— Какие мотыльки зимой?
— Ты прав. Смотри, они спешат к жилью,
на подступах к селенью
притормозив немного,
любуясь будто открывшейся картиной:
зимний дол, прудов квадраты,
вдали, у края горизонта, горы
и люди – мелкие фигурки,
что оживляют пейзаж;
одни спешат по делу, другие
праздно скользят по отраженью неба...
— Да нет, им просто неохота возвращаться –
не отпускает лес из цепких рук,
собаки мешкают и, несмотря на голод,
в хвосте плетутся...
— Как этот мир простой прекрасен,
в нем дивная гармония царит.

Какое счастие смотреть,
в любви безмолвно признаваясь
охотникам, собакам, островкам деревьев,
огню, что искры рассыпает.

И пусть охотники не обернутся.
Спиною взгляд почувствовав,
лишь шаг ускорят.

Три стихотворения

I. Фра Беато Анджелико

1.

Ах, простодушный брат,
собеседниче ангелов!
Свет льешь из полотен:
золотое сияние, ризы лазурные.
Глаза подставляю, как плошки.
Недаром любимый сюжет Благовещенье
(вся жизнь – как Евангелие):
Господи, что чудеснее и светлее?
Ангел с цветущей ветвью
и смущенная дева с челом высоким.
Здесь не уста говорят, а души.
Ах, имеющий уши
да слышит тихий таинственный шепот,
когда засыпают монастыри и музеи:
вот Косма с Дамианом обсуждают,
какую ногу пришить болящему.
Решают: черную белому,
так веселее.

2.

В светлом раю краски забросил.
Ну́жды нет: не прибавить и не убавить.
Что так чудесно прозрел на земле,
теперь воочию видишь.
Ангелы окружают,
щебечут на своем, на ангельском,
и все понятно.
Тот подошел, который
на землю спускался,
чтоб состязаться с тобою
в искусстве, улыбнулся смущенно.
«Ну, – говорит, – наконец-то».
Ошалевший от радости,
ни глазам, ни ушам не веря,
слышит голос из облака
(ну, точно такое):
«Верный мой, получай награду,
веселись, пусть сердце твое
пребывает в покое,
скоро явлю тебе лик свой пресветлый,
последнюю тайну открою.
Станешь навеки и совершенно счастлив».

II. Джотто

Вы думали просто маленький уродливый карлик?
Нет, Джотто – живой, удивительный, смелый.
Видите, говорит: ангел на самом деле не белый.
Он цветной, золотистый
и не бесстрастен вовсе:
ручками маленькими бьет себя в грудь, по щекам,
глядя на мертвого властелина мира.
А как уродлив Иуда, видели вы до сих пор такого?
А складки плаща Марии – синие, как ниспадают?
А как красив тот, кто вместил всю красоту мира?
Джотто, Джотто, так не бывает.
Так не было до сих пор на картинах и фресках,
чтобы Мария так вглядывалась в лицо
мертвого сына.
чтобы евангелист Иоанн так разводил руками,
чтобы спины монахов разговаривали.
Что ты смеешься, Джотто? со слов Доволен своим
чудесным/цветным, огромным, как мир, БЫВАЕТ?

III.

Во флорентийских больницах
держат палаты для
заболевших синдромом Стендаля.
Преимущественно японцев,
что падают в обморок
перед оперетошным домом Данте,
перед всамделишней церковью,
где встретил он Беатриче,
пред Санта Мария дель Фьоре.
Не могут глядеть на купол.
Привыкшие к прямоугольному,
глазом раскосым только
уловят божественную кривизну,
и брык – лежат.
Брунеллески доволен эффектом.
В раю светлом, сидя на облаке,
с Джотто подсчитывают,
сколько сегодня.
Десять японцев, ни одного англичанина
и одна русская...

* * *

Сандро Боттичелли с любовью

Под круглой белой плитой
покоится то, что было тобой –
и неизвестно где –
то, что было ей.
У нее плита –
холстяная, цветная,
на которой имени нет,
просто все знают,
что это прекрасная Симонетта,
в которую был влюблен
весь флорентийский свет.
И ты? И ты.
Среди толпы,
не сдерживая рыданий,
заглядывал в гроб открытый,
чтобы в последний раз
пир устроить для глаз,
запоминал острым взглядом художника
блики солнца на мертвой коже,
белые холмы век:
«Се человек».
Человек в тебе победил художника.
Мало касаться кистью,

захотел плотью, кожей –
хоть после смерти соединиться –
завещал похоронить себя
неподалеку от ее гробницы.

* * *

Non morir, Seneca…

Сенека, не умирай, умоляет хор.
Друзья расписывают, как жизнь хороша.
Но он полон решимости:
Приготовьте мне ванну, говорит.
О как болит, как болит душа.
Император зверь и дурак, но дело не в нем.
Я должен себе и всем доказать:
то, что проповедовал я,
чем я жил и чем я дышал –
истина. Как боль хороша
тем, что не надо врать.
У тебя болит, и не можешь сказать, что нет.
Так и с истиной – либо нет, либо да.
Остальное все ерунда, ерунда,
мысли сбиваются,
и этот день весенний,
и этот свет…
Скоро станет правдой
надгробный памятник мой,
каждому останется правда своя –
жизни прелестны все до одной.
Вот уже правд миллион,
как вам мысль моя?
Как же правду жизни одной
в вечную истину превратить?

Стать героем, мучеником,
выполнить приказание зверя,
но из гордыни одной,
подчиниться тому,
чего и так уже не отвратить.
Кто мне поможет,
кто даст ответ?
Может, за гробом бы понял я,
да только жаль,
что не верю в вечную жизнь.
Жизнь моя здешняя,
жизнь моя,
как же медленно
меня покидаешь ты,
слишком медленно
минуты сочатся,
слезы бегут по лицу,
по седой бороде,
горячие, наполняют ванну,
ну, все – режиссер говорит
пора умирать, умирать...
по потусторонней траве гулять,
если она существует вообще

* * *

Михаилу Леоновичу Гаспарову

У меня есть почтовая карточка:
почерком бисерным, мелким
короткий текст, начинающийся:
«Дорогая коллега!»
Выше нет награды
для рядового армии филологов
такое приветствие генерала.
Будут помниться ныне
и присно ваша фигура длинная
и уныние. И усталость всегдашняя,
обусловленная любовью
к филологическим разностям.
Вечные книги у изголовья.
Там, где труды окончены,
там, где со всех – довольно,
пусть встретят Вас
Вергилий – поэт будущего,
Овидий, Гораций
и Фет – безглагольный.

* * *

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе...
*Анна Тимирёва**

Анна, Вы видели эту фотографию?
Конечно, но он подарил Вам другую –
в парадном кителе –
эполеты, кортики и так далее.
Ах, эти мужчины,
что они понимают в том,
как произвести на женщину
впечатленье.
Я подарила бы эту:
худощавый человек в свитере,
смотрит – душа наизнанку,
хищные руки замерли
на подлокотниках кресла.
Сразу видно – очень устал,
давно не пил шампанского,
одержим – так глаза горят.
Дорогая Анна,
я Вас понимаю –
чтобы смотреть в это лицо,

* Гражданская жена А.В. Колчака, добровольно разделившая с ним тюремное заключение. К нему обращены строки стихотворения, напи-санного ею в 77-летнем возрасте.

жизни не жалко.
Ради того, чтобы знать,
что оно лежит, искаженное мукой,
на жесткой тюремной подушке
через стену, в соседней камере,
можно «самоарестоваться».

Никогда ни о чем не жалела,
помнила, что́ сказал
при расставаньи
в ответ на её «Я Вас люблю» –
«Я Вас больше, чем люблю».
Адмирал, как это – больше?

* * *

Осталось только убедить себя,
что площадь жизни больше
площади любви,
так что найдется место
в каком-нибудь закуте и для души, не знающей ее.
Хотя воображу, как будет узок сей зазор –
едва-едва вместятся эти двадцать граммов.
Тогда возьмем другое –
невероятность существования любви.
Что ж плакать по тому,
чего на свете вовсе не бывает?
Поневоле припомнишь сказку –
принеси мне то, не знаю что,
представишь жизнь
как путешествие за чудом,
которое кончается ничем, и взмолишься:
О, Мудрый господине,
пошли мне безмятежность иль то,
чего не свете вовсе не бывает.

* * *

Ирине Романовой

Самое главное –
чтобы нашлись
бумага и ручка –
к случаю.
Чтобы в аллее липовой,
свежей, майским вечером
или утром
оказалась незанятой
одна скамейка,
чтобы прожить на ней
полчаса мудро.
От всего отрешившись,
преобразившись,
будто выйдя из бледного пламени,
понять как-то вдруг,
что эти вот кривые черные строчки
и есть для тебя самое главное.

* * *

В Чертальдо черти не водятся,
здесь водился Боккаччо
с книгами, как и он, одинокими,
в доме с башней.
О, как молодость быстро проходит,
*dimmi, dimmi perché**
этот пузатый, раскрашенный,
с музой путешествовавший налегке
здесь нашел покой и упокоение,
вдали от блеска и сил,
с дома своего башенного
созерцая искренний блеск светил?

* Скажи мне, скажи мне, почему (ит.)

Содержание

Искатели приключений.....3
«О, мой итальянец...» 5
«Я – новый Марко Поло?..» 6
«На всех парусах, на всех, что есть...» 7
Фрида 8
«По Севилье...» 13
«Я погрузила комнату в родимый хаос...» 15
«О, смелость...» 17
«Как на лоб его падала прядь...» 18
«Нотами невозможно выругаться...» 19
«Александр Сергеевич весело ...» 20
«Я выходила на исходный рубеж...» 21
«О, гений мой, восторженный, младой...» 22
«Спят поэты в своих кроватях...» 23
«Примите меня в свой закрытый клуб...» 24
Стихи об Италии.....25
I. «И сразу, как только вышла из самолета...» 25
II. «Неожиданно дамский цилиндр...» 26
III. «Ах, во Флоренции все лазурью...» 27
«Когда я оказалась на Сан-Микеле...» 28
«Итак, он умер...» 29
«В утренней дымке холмы...» 31
«Господь мне послал двух мотыльков...» 32
«Солнечная легкая полоса...» 33
Менуэт 34
«Вдохновение че́рпая...» 36
«Как хорошо ходить, блаженно улыбаясь...» 37

Диалог о Брейгеле 38
Три стихотворения 40
I. Фра Беато Анджелико 40
II. Джотто 42
III. «Во флорентийских больницах...» 43
«Под круглой белой плитой...» 44
«Сенека, не умирай, умоляет хор...» 46
«У меня есть почтовая карточка...» 48
«Анна, Вы видели эту фотографию?..» 49
«Самое главное...» 52
«В Чертальдо черти не водятся...» 53

Литературно-художественное издание

СМАГИНА ОЛЬГА

Странная буква

Книга стихотворений

Выпускающий редактор И. Штырова
Технический редактор В. Флиманков
Корректор П. Ибрагимов
Дизайн обложки А. Азаренков

Издательство «Свиток»
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216.
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано в печать . .2017.
Формат 70x100 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Печ. л. 1,75. Тираж 500 экз.